

ИЗБЫТОЧНЫЕ БУКВЫ В РУССКОМ ПИСЬМЕ

(Й и Ъ; после шипящих Ё и конечный Ъ)

Подаю дѣло разумим,
и Руские бесѣди свѣдомшим,
льудем на суд

Ъ Крижанич

УЧИТЕЛЬ. Но что за книга у
тебя на колсях?

УЧЕНИК Крижанич Я люблю
говорить с мертвыми
Велимир Хлебников

1 ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП РУССКОГО ПИСЬМА

Как указал Н. Ф. Яковлев в своей замечательной статье о методах построения наиболее выгодной и удобной системы письма,¹ экономия букв в алфавите возможна, когда в языке есть “многочисленная группа парно различаемых согласных фонем, и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными. В этом случае, вместо того, чтобы вводить значительное количество отдельных букв для согласных, ... можно звуковые особенности согласных выразить на письме через дополнительные буквы для гласных” и через “особый дополнительный знак для графического различения парных согласных, находящихся не в сочетании с гласными” (стр. 54). Этим принципом пользуется русский алфавит, выражая фонологическое противопоставление твердых и мягких согласных перед гласными путем передачи каждой гласной фонемы двумя различными буквами в зависимости от того, какая из парных согласных фонем предшествует — твердая или мягкая: А — Я, У — Ю, О — Ё, Э — Е, Ы — И. Если же согласная фонема не предшествует непосредственно гласной фонеме, то фонологическая мягкость обозначается последующим мягким знаком (стр. 49-51)

Уже Бодуэн-де-Куртенэ в пытливом труде о русском письме отметил, что “для простейших произносительно-слуховых эле-

¹ “Математическая формула построения алфавита”, Культура и письменность Востока, I (Москва, 1928), стр. 41-64

ментов” (т.е. в нынешней номенклатуре, дифференциальных элементов фонемы) “только в редких случаях имеются писанно-зрительные символы”. “Таким особым отличительным диакритическим знаком” является, в частности, русский ерь, определяемый Бодуэном как “аналитическая графема”, так как она ассоциируется с “отдельным” элементом, причем “по преимуществу” этот элемент входит в состав фонемы, ассоциируемой с предшествующей графемой.²

2 РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ УМЯГЧИТЕЛЬНЫМИ ГЛАСНЫМИ БУКВАМИ

Гласные фонемы /a/, /o/, /y/, передаются одинаковыми буквами после твердых согласных и в начале слога (т.е. после гласных или в начале слова). Фонема /e/, фигурирующая после фонологически твердых согласных исключительно в неассимилированных иностранных словах, а в начале слога в иностранных словах, в междометиях и в междометном префиксе местоименных форм, постоянно передается через Э в начале слова, менее регулярно после гласных (ср. напр. “поэт” и “реестр”, оба произносимые с зиянием) и сравнительно редко после твердых согласных. Таким образом буква Э, недружелюбно встреченная целым рядом писателей XVIII века, особенно Ломоносовым, заявившим, что “ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с Китайскую”,³ не нашла себе и поныне прочного места в русском письме и употребляется довольно непоследовательно (ср. “сэр” и “сепия”, “пэр” и “купе”). Единственно фонема /i/ представлена задним вариантом только в положении после твердых согласных, а в начале слога тем же передним вариантом, как и после мягких согласных. Поэтому в то время, как все остальные фонемы в начале слога передаются тою буквой, которая пишется после согласных для обозначения их твердости (А, О, У, Э), фонема /i/ одинаково передается буквой И, как после мягких, так и в начале слога.

3. ГЛАСНЫЕ БУКВЫ ПОСЛЕ НЕПАРНЫХ СОГЛАСНЫХ

Характерно, что после непарных по твердости и мягкости

² Об отношении русского письма к русскому языку (СПб, 1912), §§ 10, 57

³ См. А. Б. Шапиро, Русское правописание (Москва, 1951)

согласных, как Ж, Ш, Ч, Ц /ʃč/ и Ц употребляется та же “нормальная”, по выражению Карцевского, буква, что и в начале слова, т.е. графический символ, основной для данной фонемы: ЖА, ША, ЧА, ЦА; ЖУ, ШУ, ЧУ, ЦУ; ЖИ, ШИ, ЧИ, ЦИ; но ЖЕ, ШЕ, ЧЕ, ЦЕ в виду заведомо иностранного характера сочетаний согласной буквы с Э в русском письме. Впрочем, после Ц наблюдается досадный разнобой между И и Ы: ср. “цинга, циновка, цирк” и “цыган, цыпочки, куцый” (при “куцее, куцего”). Однако важнейшим прорывом в систематическом правописании гласных после непарных согласных является глубоко искусственная, ненужная и педагогически обременительная разверстка написаний с О и с Ё (или Е): ср. напр. существительное “поджог” при глаголе “поджег”, непоследовательность в передаче одного и того же суффикса — “облицовывать” и “облицевать” но “затушевывать” и “затушевать” — или такие орфографические образцы, как “чётки, чётный, чёлка”, а рядом “чокнуться” и “чопорный”. В положении после мягких и непарных согласных русское письмо все равно отступает от своей морфонологической основы: ср. напр. с одной стороны “окно — полёно; врагом — другом, львov — тигров, слободой — свободой, злого — доброго, злomu — доброму, голосок — отголосок, бровый — енотовый”. а с другой — “плечо — вёче, кольцо — оконце” (причем стирается фонологическое различие между формой местного падежа /akópsi/ и именительного /akópsa/, совпадающего по составу фонем с именительным множественного), “дельцом — земледельцем, голышом — мякишем, киселем — хмелем, молодцов — молodцев, овцой — двёрцей, душой — сущей, свечой — тучей, землей — волей, большого — большего, большому — большому, грешок — орешек, пунцовый — глянцевоый, грошовый — плюшевоый, рублёвоый — тюлевоый”.

Орфографическая комиссия Академии Наук, подготовившая проект реформы под руководством и по инициативе Фортунатова и Шахматова, настаивала с 1904 г. на единообразной передаче фонемы /o/ после непарных согласных через букву О, но на Орфографическом совещании, выработавшем в мае 1917 г. окончательную редакцию входившего в жизнь проекта, “сторонники реформы” вдруг оказались “вынуждены” сделать уступку ее “недоброжелателям”, по выражению авторитетного участника и историка реформы, В. И. Чернышева, т.е. “сохранить в дореформенном неупорядоченном состоянии правописание букв О и

Е после Ч, Ш, Ж, Ц, Ъ. Вследствие этой уступки, как отмечает далее Чернышев, “мы до сих пор безнадежно путаемся в этой обширной и сложной категории орфографических написаний”.⁴ Предложение “после Ж, Ч, Ш, Ц и Ъ ударяемое о писать через букву О”, было снова выдвинуто в проекте Главнауки, одобренном в 1930 г. коллегией Наркомпроса,⁵ но потонуло вместе со всем проектом, и позднейшие частичные поправки не могли устранить неурядицу.

После букв, обозначающих задненебные согласные, мы находим то же распределение гласных букв, как и после шипящих, т.е. Ю, Ё, Я, Э и Ы исключены, а пишутся У, О, А, Е, И, причем перед последними двумя гласными имеет место смягчение задненебных (ср. “уху, ухой, уха” и “ухе, ухи”). Только в иноязычных словах обнаруживаются такие необычные написания и соответственно мягкие разновидности задненебных, как “маникюр, кюветка, ликёр, Кяхта, гойс; сверх того /к'/, а в ленинградском варианте литературной речи также /g'/, правда, только перед грамматическими окончаниями, начинают появляться как очень редкие, но все-же независимые фонемы, отражаемые и в написаниях: ср. “заткём” и “задком”, “берегя́” и “берега́”.

4. ДВЕ ФУНКЦИИ УМЯГЧИТЕЛЬНЫХ ГЛАСНЫХ БУКВ И МЯГКОГО ЗНАКА

Чисто умягчительные гласные буквы, т.е. Я, Ю, Ё, Е, неспособны ассоциироваться с начальной гласной фонемой слога. Если эти буквы пишутся в начале слога или слова, то они обозначают гласную фонему с предшествующим йотом, т.е. /ja/, /ju/, /jo/ или /je/. Сочетание /ji/, которое в начале слова возможно только на междуморфемном шве, не передается в русском письме: “им” /jím/, “ими” /jím'i/, “их” /jix/ пишутся так же, как “имя” /ím'a/, “ихтиол” /ixt'iól/. Правда, формы лица /jím/ порой объявляются “просторечными”, но они упорно держатся и на сцене, и в московской интеллигентской речи как разговорного, так и высокого стиля.

В свою очередь мягкий знак, если за ним непосредственно

⁴ Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания, А. А. Шахматов, сборник статей и материалов под ред. С. П. Обнорского (Москва-Ленинград, 1947 г.).

⁵ Проект Главнауки о новом правописании (Москва, 1930), стр. 31 сл.

следует гласная буква, обозначает фонему /j/, напр “**б**о**ж**ь**и**, **ч**ь**и**, соловьи**н**ый, мышьяк, рья**н**ый, шью, вь**ю**н, ружье, ль**ь**ет, чь**ь**ей, ба**д**ье, барь**ь**ер”.

Как умягчительные гласные, так и мягкий знак выступают в двух функциях. В положении перед гласной буквой мягкий знак передает фонему /j/, а не перед гласной (т.е. перед согласной или в конце слова) ерь сигнализирует мягкость согласной фонемы, обозначаемой предыдущей буквой. В положении после согласных букв или ериков (Ь и Ъ) всякая умягчительная гласная сигнализирует мягкость неслоговой фонемы, обозначенной предыдущей буквой, а в прочих положениях (т.е. после гласной или в начале слова) любая умягчительная гласная передает превокальный /j/.

5 ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ ОБЕИХ ФУНКЦИЙ

При мягкости (палатализации) согласных, как отмечал наилучший исследователь этой характерной фонетической черты русского языка, Олаф Брок, имеет место “концентрация языкового тела по направлению к j.”⁶ Также расширение полости зева, характерное для палатализованных согласных, наблюдается и в продукции йота. Та звукопроизводная деятельность, к которой сводится артикуляция йота, является вторичной, побочной работой в образовании палатализованных, или, в иных терминах, йотизованных согласных. По своему акустическому эффекту смягчение согласных опять-таки схоже с характером йота.

Русские йотированные согласные отличаются от йота соучастием ряда иных дифференциальных элементов. Так, согласно русской терминологии, принятой для дифференциальных элементов С. К. Шаумяном в его интереснейшей работе по польской фонологии,⁷ следует сказать, что например фонема /t'/ характеризуется консонантностью, диффузностью, высокой тональностью, неназальностью, прерывностью, дизонантностью, звонкостью и тусклостью. В отличие от остальных русских фонем, йот лишен как вокальности, так и консонантности. Это было чутко схвачено Бромом, неоднократно напоминавшим, что в славянской, “особенно в русской речи нельзя говорить о действии

⁶ Очерк физиологии славянской речи (СПб, 1910), стр. 15

⁷ История системы дифференциальных элементов в польском языке (Москва, 1938)

тельной границе” между вокальным /l/ и фрикативным /j/, и категорического разделения этих звуков там просто не существует: “между ясно различными конечными точками лежит бесконечный ряд вариантов” комбинаторных и факультативных.⁸ Промежуточное положение русского йота и отсутствие в нем постоянного признака вокальности и консонантности показано и новейшими исследователями акустической природы этой фонемы.⁹ Все фонологическое содержание русского йота сводится к одному единственному дифференциальному элементу. В отличие от многосоставных фонем русского языка, гласных и согласных, йот является односоставной фонемой, glide, согласно использованному нами термину Н. Sweet'a.¹⁰ Различие между присутствием и отсутствием дизонантной тональности в начале слова, т.е. между мягкостным и нулевым зачином слова играет словоразличительную роль: ср. “яд — ад, ёжил — ожил, юрѡдство — урѡдство”. Йот так же противопоставлен фонематическому нулю, как мягкость противопоставлена ее отсутствию в парах /t' — /t/, /l' — /l/ и т. п. Отсюда явствует, что умягчительные гласные и мягкий знак одинаково сигнализируют дизонантную тональность как в тех случаях, когда она составляет все содержание фонемы, так и там, где этот элемент служит одним из компонентов многосоставной согласной фонемы.

Поэтому вполне рационально применение одних и тех же умягчительных букв (как гласных, так и ерь), чтобы передать либо йотизацию согласных, либо автономный йот, т.е., по Бодуэну, среднеязычность, выделенную “в особую самодовлеющую среднеязычную неслоговую фонему” (§ 56). Индивидуальные предложения размежевать эти два явления и ввести для второго из них отдельную, специальную букву (“јама, жула, вуга”¹¹ или “јама, јула, вјуга”¹² лишены основания, не говоря уже о том,

⁸ “Описание одного говора из югозападной части Тотемского уезда”, Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. Наук, LXXXIII, § 10; ср. его же “Об исчезновении междугласного j”, Сборник статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову (Варшава, 1902), стр. 134

⁹ M. Halle, *The Sound Pattern of Russian* (The Hague, 1959), стр. 117, 125 сл., G. Fant, *Acoustic Theory of Speech Production* (The Hague, 1960), стр. 170, 216, 220.

¹⁰ R. Jakobson, M. Halle, *Fundamentals of Language* (The Hague, 1956), стр. 22 сл.

¹¹ S. Karcevski, “Sur la rationalisation de l'orthographe russe”, *Melanges linguistiques et philologiques, offerts a M. A. Belic* (Белград, 1937), стр. 35

¹² Н. Ф. Яковлев, см. выше, стр. 51

что введение двойной буквы взамен ординарного Я и т.п. увеличило бы типографские расходы; напр., в сочетании “я ес знаю” число букв возросло бы с семи до одиннадцати.

Вполне оправдано написание умягчительных гласных букв после еря (чью, чьём, чья, чьей, чьи), так как йот, противопоставленный фонематическому нулю, является парной мягкой фонемой, а после букв, обозначающих парные мягкие, русское правописание требует именно умягчительной гласной буквы. Это правило нарушено в таких единичных написаниях, как “бульон, компаньон” (вм. -ьё-).

6. ИЗБЫТОЧНОСТЬ “И КРАТКОГО” И ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ НОВШЕСТВО ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Мягкий знак обозначает йот только между согласной и гласной буквой, тогда как “и краткое” выполняет ту же функцию в положении не перед гласной. Вообще мягкий знак пишется только после согласных, тогда как Й после согласных не употребляется. Это две комплементарные буквы, выступающие по соседству с гласными в совершенно одинаковой фонологической функции, т.е. обозначающие — одна превокальный, а другая поствокальный йот: ср. “гости” /góst'i/ — “госты” /góstji/ — “гостий” /gost'ij/, “божьи” /bóžji/ — “божий” /bóžij/, “чьи” /čji/ — “почий” /ročij/. Один из позднейших придатков русской кириллицы, “и краткое”, оказывается явно избыточной буквой. Ее замена мягким знаком (напр. в предложении — “Пейте китайский чай”) сократила бы количество букв в русском алфавите и упразднила бы единственную литеру с чужеродной, надстрочной “краткой” в числе его обязательных единиц. При такой экономии в составе азбуки и ее отдельных букв информационная нагрузка русского письма ничуть не пострадала бы. В частности замена “и краткого” ерем подчеркнула бы единство грамматических основ и парадигм: ср. “змь — змья” и “звьрь — звья”; “стрь — стрю” и “спрь — спрю”.

Три столетия тому назад Юрий Крижанич в своих тобольских трактатах — “Обяснение виводно о писме словѣнскомъ” (1661)¹³ и “Граматично изказанье об рускомъ језыку” (1665)¹⁴ — подверг

¹³ См. Собрание сочинений Юрия Крижанича, I (Москва, 1891г.).

¹⁴ Вышло отдельным выпуском под ред. О. Бодянского (Москва, 1859).

подробному обсуждению систему русской грамматики и орфографии, причем он сделал, по справедливому указанию редактора Бодянского, немало “остроумных, глубоко верных и поразительных замечаний.”¹⁵ Недаром А. А. Шахматов, восхищенный языковедческой наблюдательностью и находчивостью Крижанича, проповедовал необходимость критического комментированного издания трудов ученого хорвата. Крижанич сознавал, что “слово Ъ из тонкије негласници [т.е. твердого согласного] чинит шумну [т.е. мягкий].... и сливајетсе съ ньеју въ једен глас: и считајетсе въ еден склад.... А Јор (Ъ) ничесој јного не знаменујет: неже да разумијем, јез тамо нит Јера (Ъ) или-ти ошумленја [т.е. смягчения].... Ј затој гди јест шумно изреченје [мягкий исход слова], тамо јест потрибно писат Јер (Ъ).... А гди нит шумног изрока: тамо нит триби, никаковај знаменја. Ј то приписованје Јора на кондик, завајет въ писму вного непотрибнује забави. Напиши Орёл и Зѣкѡн: и будет изреченје тож, что во Орель, Зѣкѡнъ.”¹⁶ Крижанич пришел к выводу, что “сличнейше јест писат Ъ” и “послиди гласницѡ”, как напр. “Краь, Рѣчь, Змиь, Стѡь, Чѡь, Приспѣь.”¹⁷ Методологически безукоризненное соображение даровитого языковеда, побудившее его последовательно писать “раь, жребь, зноь, моь, всеь, первивь” и т. п. еще до недавнего времени сталкивалось с упорным непониманием критиков, утверждавших, что “на овай начин Крижанић је уносио нову забуну”.¹⁸

7. КОНЕЧНЫЙ ЕРЬ ПОСЛЕ НЕПАРНЫХ СОГЛАСНЫХ

Академическая комиссия уже в 1904 году постановила и затем неизменно повторяла, что “в связи с уничтожением буквы Ъ исключается также буква Ь в конце слов, где она не показывает произношения, именно после Ж, Ш, Ч, Щ, так как две первые буквы произносятся всегда твердо, а две последних всегда мягко, что бы мы после них ни написали.”¹⁹ Накануне реформы это требование было в угоду “недоброжелателям” снято с очереди в особом совещании 5 мая 1917 года. Повторная постановка

¹⁵ Изказанје...., стр. VIII.

¹⁶ Изказанје...., стр. 131, 139.

¹⁷ Обяснение...., стр. 36; Изказанје...., стр. 140.

¹⁸ Н. П. Шкеровић, Буро Крижанић (Белград, 1936), стр. 65.

¹⁹ См. Чернышев...., стр. 203.

этого предложения в конце двадцатых годов встретила, разумеется, многочисленные одобрителльные отклики,²⁰ но вопреки его самоочевидности, оно снова столкнулось с теми же призывами писать по старинке, которые в свое время возмущали Фортунатова и Шахматова и тормозили их усилия.²¹

Если дореформенное различие букв Ъ и Е опиралось по крайней мере на исторически-этимологический принцип, то различная трактовка наречий “сплошь, настезь” с одной стороны и “уж, невтерпеж” с другой совершенно произвольна. Школьникам для чего-то приходится заучивать бесцельный ерь в формах “идешь” и т. п., хотя русский литературный язык чуждается личных и падежных еревых окончаний (ср. “идет, идут, дам, столом, чем, чѣм”). Непонятно, почему написания “мажь, мажьте” ориентируются не на формы “ляг, лягте”, а на основы с парными согласными, как “лезь, лезьте”. С ерем пишутся “боль — больной” и “постель — постельный, постелька”, между тем как “ночь” и “печь” графически разобцены с производными образованиями “ночной, печной, ночка, печка,” да и вообще употребление еря после непарных согласных только в конце, но отнюдь не внутри слова грешит вопиющей несогласованностью. Наконец, для чего удлинять текст сочетаниями непарных согласных с избыточным в данном положении мягким знаком, напр. отягощать пятью излишними буквами поговорку — “Лиш(ь) ноч(ь), огня не жеч(ь), а леч(ь) на печ(ь)”?

8. ФОРТУНАТОВСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОЛНОЙ ОТМЕНЕ ЕРА

В нынешнем правописании сочетание согласной фонемы с йотом передается двумя различными способами: йот обозначается мягким знаком внутри простого слова и твердым знаком на стыке между префиксом, либо русским, либо иноязычным, и корнем (“разъезд, съемка, въявь, отъюливать, субъект, адъюнкт”), а также между компонентами сложного слова из двух основ (“трехъярусный”). В програмном выступлении на собрании Академической комиссии по вопросу о русском правописании 12 апреля 1904 г. Ф. Ф. Фортунатов признал, что “вполне основательно

²⁰ Проект Главнауки..., стр. 31.

²¹ Ср. Halina Safarewiczowa, “O trudnościach ortografii rosyjskiej”, *Język polski*, XL (1960), стр. 99.

было бы в этих случаях употребление буквы Ь” вместо традиционного Ъ, и это предложение вошло в первоначальный печатный текст проекта, но уже в 1912 году, под усилившимся давлением консерваторов оно “оказалось отклоненным в Постановлениях орфографической подкомиссии” с надуманной ссылкой на якобы “господствующее в литературном наречии твердое произношение согласных в значительной части таких случаев”.²² Проект Главнауки, разработанный в 1930 г. при участии таких экспертов-языковедов, как Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон, вернулся к фортунатовскому предложению и поставил его на первое место, напомнив при этом, что ерь перед гласной буквой вовсе не означает мягкости предшествующих согласных, и что, кроме того, “мягкое произношение согласной в приставке свойственно живому московскому произношению”.²³

Последовательно мягкое произношение этих согласных в московской образованной речи дореволюционных лет было отмечено превосходным наблюдателем, Р. Кошутичем.²⁴ На смягчении настаивает и современная орфоэпия по крайней мере для приставок с-, вз-, из-, без-, раз-,²⁵ равно и приставка в-, как указал Р. И. Аванесов, “обычно смягчается”.²⁶ Если, по его же отзыву, в префиксах, кончающихся на взрывные, смягчение, “в соответствии со старыми московскими нормами, в настоящее время приобретает все больше и больше характерный просторечный оттенок”,²⁶ то другой авторитетный исследователь, А. А. Реформатский, продолжает утверждать, что употребление ера на конце префиксов “не имеет отношения к твердости или мягкости согласных (“объем” и “побъем” пишутся по-разному, а произносятся одинаково)”.²⁷

Не подлежит сомнению, что сохранение ера наряду с ерем единственно для передачи различия между умягчительным йотом и йотом с необязательным или же “неполным” смягчением предшествующих согласных было, воистину, излишней роскошью. Несмотря на обычную разницу в произношении таких

²² Чернышев..., стр. 177, 202, 231.

²³ Проект Главнауки..., стр. 26-28.

²⁴ Р. Кошутич, Грамматика руского језика, I (Петроград, 1919), стр. 154, 156.

²⁵ Р. И. Аванесов и С. И. Ожегов (ред), Русское литературное произношение и ударение (Москва, 1959).

²⁶ Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение (Москва, 1958), стр. 96.

²⁷ Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов (Москва, 1960), стр. 101.

сочетаний согласных как [d'v'] в словах "подвиг, подвинуть" и [dv'] в словах "подвесить, подвинтить", т.е. на стыке приставки и корня,²⁸ никто не станет вводить специальных орфографических приемов для передачи этого факультативного различия. Графическая сигнализация междуморфемного шва чужда русскому письму. К тому же в разряд префиксальных слов попал "изъян" (из персидского ziyan) и такие неразложимые в речевом обиходе слова, как "адъютант".

В борьбе с традиционными "недостатками и излишками русского писанно-зрительного языка", как их окрестил Бодуэн-де-Куртенэ (58), глубоко продуманный и планомерный проект Фортунатова и Шахматова был немаловажным этапом, и жаль, что в тот исключительный исторический момент, когда было возможно осуществление широкой реформы, в государственные ведомства поступил проект, уже без толку урезанный научными ретроградями.

CONCLUSIONS

In Russian, "jot" /j/ is a glide, i.e., a non-vocalic and non-consonantal one-feature phoneme. The distinctive feature "sharp/plain" is displayed both by several pairs of consonantal phonemes — palatalized ("jotized") vs. non-palatalized —, and by the pair, glide /j/ vs. phonemic zero. The distribution of the jotized consonants on the one hand and of the jot on the other shows striking similarities: in native non-interjectional morphemes before /e/, any pair jotized/non-jotized is always represented by the jotized phoneme, and the pair jot/zero by jot.

For each vowel phoneme the Russian alphabet possesses two letters, one "jotizing" and the other "non-jotizing" (Я-А, Ю-У, Ё-О, Е-Э, И-Ы). The jotization of consonantal phonemes is indicated by the subsequent letter: by a jotizing vowel in a prevocalic position and in other positions by the special sign Ъ.

The initial variants of the phonemes /a/, /u/, /o/ are retracted, like the variants of the same phonemes after non-jotized consonants, and identical vowel letters are used in these two positions. The initial variant of the phoneme /i/ is advanced, like its variant after jotized consonants, and the identical vowel letter И is used in both positions.

After non-paired consonants (i.e., those which do not participate in the phonemic opposition "sharp/plain"), vowels are rendered by the same letter as in the initial position; [but /O/ after hushing consonants is in many cases conventionally rendered by Ё (E) instead of by the expected O. In many inflectional forms and in some adverbs, final unpaired consonants are conventionally written with a subsequent Ъ which has here no phonemic value]. The project of the spelling reform prepared in the Russian Academy of Sciences under the leadership of Fortunatov and Šaxmatov in 1904 eliminated the two

²⁸ Аванесов..., стр. 83; Аванесов и Ожегов..., стр. 403 сл.

inconsistencies bracketed above, but just before this reform was realized, in 1917, its adversaries cancelled these sound corrections.

The letters Я, Ю, Ё, Е, when preceded by a space or by vowel letters, signal the presence of a prevocalic /j/, except in a few foreign words where the postvocalic /e/ is misleadingly rendered by the letter Е instead of Э. Before /i/ an intervocalic jot occurs in free variation with zero, and in one variety of Standard Russian there appears an initial jot as a one-phoneme root morpheme (/jix/, etc.); this jot finds no expression in Russian spelling.

The initial or intervocalic /j/ is indicated in writing by the use of jotizing vowel letters; any other /j/ is rendered by Ъ [in prevocalic and by Ы in postvocalic position]. Three centuries ago Križanić proposed without success to abolish the redundancy bracketed above by substituting Ъ for the superfluous letter Ы.

[Within a compound, when the final consonant of the first morpheme is followed by a root with an initial jot, this jot is rendered by Ъ instead of Ь.] The Academy project of 1904 abolished the pointless rule bracketed above and replaced the superfluous Ъ by Ь, but in 1912 the adversaries of reform unwisely excluded this rational correction.

Written in Stanford (Calif.), March 1961, for the Commemorative Volume to Stjepan Ivšić (to appear in Zagreb).